

5. Про судоустрій: Закон України від 07.02.2002 [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3018-14>
6. Про органи самоорганізації населення: Закон України від 11 липня 2007 р. [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2625-14>
7. Про об'єднання співвласників багатоквартирного будинку: Закон України від 29.11.2001р. [електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2866-14>

Анотація

Андрушко П.П. Службова особа як спеціальний суб'єкт злочину. – Стаття.

У статті аналізується проблема визначення службової особи як спеціального суб'єкту злочину. Суб'єктами окремих злочинів, виконавцем яких законодавцем визначається службова особа, може бути або лише службова особа юридичної особи приватного права, або лише службова особа юридичної особи публічного права, або ним не може бути чи може бути лише представник влади.

Ключові слова: службова особа, суб'єкт злочину

Summary

Andrushko P.P. Official person as special subject of the crime. – Article.

In this article the author analyzed the problem of executive personality's definition as special subject of the crime. In the separate crimes in which official persons are executors the legislator defines that official person is a legal person of public law, or just official person of private law or it could be just a representative of the power.

Key words: executives, special subject of crime

УДК 343.232(470)

А.И. Парог

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ВИНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Как отметил еще в конце 19 века видный российский ученый профессор Г.С. Фельдштейн, “учение о виновности и его бóльшая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно – лучший показатель его культурного уровня” [15, с. 2].

Учение о вине имеет методологическое значение для познания, развития и применения практически всех институтов и категорий не только уголовного, но и других отраслей права. Данной научной проблеме уделялось серьезное внимание представителями различных отраслей юридической науки [3; 7; 16]. Поэтому весьма важным представляется анализ состояния учения о вине в современной уголовно-правовой науке и перспектив его дальнейшего развития. Научные исследования проблемы вины в современном уголовном праве России осуществляются по различным направлениям. Обратим внимание на три из этих направлений.

Одним из них является социально-правовая оценка принципа субъективного вменения.

Некоторые ученые придают ему основополагающее значение, толкуя его в традиционном смысле как исключение возможности объективного вменения [6, с. 41-43; 8, с. 75; 18, с. 16].

Другие оспаривают универсальность положения о субъективном вменении и высказываются за ревизию господствующего в науке уголовного права взгляда на недопустимость объективного вменения [5, с. 26; 17, с. 10-11], поскольку, по их мнению, “существование объективного вменения – это настолько серьезная проблема, свойственная нашей правовой системе, которая не может быть решена путем выполнения предписаний уголовного закона (ст. 5 УК РФ)” [17, с. 11].

Третьи полагают, что “субъективное вменение есть не что иное, как установление уголовной ответственности при отсутствии действия или бездействия лица за наличие у него опасного состояния разума” [11, с. 37], поэтому “принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 5 УК РФ, следовало бы правильнее назвать не принципом вины, как это имеет место сейчас, а принципом объективно-субъективного вменения” [11, с. 38].

Думается, ни для отказа от принципа субъективного вменения, ни для его ревизии нет никаких оснований, хотя наличие в уголовном праве элементов объективного вменения – это реальность, которую нельзя игнорировать. И задача науки состоит в том, чтобы определить допустимые пределы объективного вменения, не поколебав при этом субъективного вменения как принципа уголовного права.

Второе направление научных исследований в области вины составляет разработка доктринальных рекомендаций по закреплению понятия вины в уголовном законе, как это сделано в УК Украины и УК Республики Беларусь.

Украинский законодатель определяет вину как “психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, предусмотренному настоящим Кодексом, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности” (ст. 23 УК). По сути, таким же, но более кратким является определение вины и в УК РБ, где вместо действия или бездействия, предусмотренного Уголовным кодексом, и его последствий, используется термин “общественно опасное деяние” (ст. 21).

Многие российские ученые предлагают дополнить подобным определением и УК РФ. Большинство из них склоняются к традиционному психологическому определению вины [18, с. 122; 4, с. 9; 9, с. 7]. Но в последние годы в предлагаемые законодателю определения вины ученые все чаще включают оценочный элемент.

Например, А.М. Трухин предлагает определить вину как “отрицательное психическое отношение лица к социальным ценностям, выраженное в умышленном или неосторожном совершении преступления” [14, с. 24]. С.В. Векленко определяет вину как упречное сознательно-волевое или упречное должное (презюмируемое государством) отношение лица к совершаемому им нарушению уголовно-правового запрета” [1, с. 215].

Отдельные ученые принципиально отрицают традиционную психологическую трактовку вины. Так, С.В. Склярков утверждает, что вина является

оценочным понятием, что “выделение в формах вины интеллектуального и волевого моментов... является искусственным”, поэтому необходимо отказаться от волевого момента вины при регламентации ее форм” [13, с. 16]. Вину он предлагает определить в законе как “степень осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий (бездействия) и их последствий, определяемую судом на основе собранных, проверенных и оцененных доказательств в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации” [13, с. 9; 12, с. 22]. Приведенное определение страдает рядом недостатков.

Во-первых, вина характеризуется как степень осознания лицом характера и содержания совершаемого деяния, хотя любое понятие должно определяться в первую очередь через его качество, а не количество.

Во-вторых, вина из реального явления волей автора превращается в оценочную деятельность суда.

В-третьих, в авторском определении вины как уголовно-правовой категории преобладает не материальный, а процессуальный аспект.

В-четвертых, при такой трактовке вины ее степень, т.е. количественную характеристику (что признает и сам С.В. Скляр [12, с. 10]), неизбежно придется определять как степень степени, что явно бессмысленно.

В силу отмеченных недостатков предложенное определение вины способно внести путаницу в теорию уголовного права и совершенно бесперспективно в плане законодательной реализации.

Существенным направлением развития теории вины является теоретическое исследование ее форм.

Некоторые отечественные криминалисты предлагают включить в законодательное определение умысла указание на осознание не только общественной опасности, но и противоправности совершаемого деяния [5, с. 35; 17, с. 14-15; 18, с. 144]. Эта идея, реализованная в законодательстве целого ряда стран, заслуживает серьезного внимания и требует дальнейших исследований.

Следует отметить, что наряду с конструктивными идеями в литературе по уголовному праву высказываются и нетрадиционные взгляды, практическая полезность которых находится под большим вопросом.

Так, вряд ли перспективными как в законотворческом, так и в правоприменительном планах являются предложения отказаться от волевого элемента умысла, а тем более – от разделения умысла на прямой и косвенный [10, с. 127-128].

Серьезные возражения вызывает предлагаемый С.В. Скляровым отказ от осознания общественной опасности в законодательной формуле обоих видов умысла. По его мнению, не все преступления можно признать общественно опасными, поскольку “термин “общественная опасность”, по сути, является антонимом термина “общественная безопасность”, отсюда... деяние, не посягающее на общественную безопасность, не является по своей сути общественно опасным” [12, с. 25]. С этой сомнительной аргументацией автор предлагает в формуле умысла осознание общественной опасности заменить

осознанием факта нарушения определенных правил поведения, которые закреплены не обязательно в законе, а могут содержаться в нормах морали или обычая [12, с. 28]. По его мнению, лицо, совершающее умышленное преступление, “сознает, что делает что-то “нехорошее”, то, что не принято делать, сознает, что его действия нарушают определенные правила поведения, что большая часть людей иная ведет себя подобным образом” [12, с. 29].

Предложенная трактовка интеллектуального элемента умышленной формы вины, во-первых, противоречит законодательному определению преступления как общественно опасного деяния, а во-вторых, полностью стирает грани между виной в ее этическом, нравственном и уголовно-правовом значениях. А если учесть, что С.В. Скляр предлагает вообще отказаться от волевого элемента вины, то установление умысла последовательно и логично подменяется презумпцией его наличия, что может полностью перечеркнуть принцип субъективного вменения.

Со времен Б.С. Утевского, В.Г. Макашвили, М.С. Гринберга, П.С. Дагеля, Р.И. Михеева, И.Г. Филановского, М.Г. Угрехелидзе и других криминалистов прошлого века интерес к неосторожной форме вины несколько не ослабевает. В нынешнем столетии уже защищены две докторские и немало кандидатских диссертаций, посвященных исследованию неосторожной формы вины и преступлений, совершенных по неосторожности. Однако в новейших работах, посвященных неосторожной форме вины, к сожалению, не уделяется должного внимания тем уточнениям легкомыслия и небрежности, которые внесены в их определения Уголовным кодексом РФ 1996 года.

В отличие от прежних российских уголовных кодексов в УК РФ (как и в ч. 2 ст. 23 УК РБ) подчеркивается, что лицо, действующее по легкомыслию, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (ч. 2 ст. 26) [2, с. 103-108]. Из этой формулировки с очевидностью следует, что в ситуации преступного легкомыслия у виновного имелись вполне определенные, хотя и недостаточные, основания рассчитывать на ненаступление вредных последствий. Достаточность оснований для расчета на предотвращение общественно опасных последствий – это оценочное понятие, поэтому в задачу науки уголовного права входит доктринальная разработка критериев такой достаточности.

Этот признак незаслуженно обойден вниманием ученых и при исследовании вопроса о невиновном причинении вреда. К невиновному причинению вреда в виде субъективного случая ст. 28 УК РФ (как и ст. 26 РБ) относит только: а) отсутствие осознания общественной опасности деяния при невозможности по обстоятельствам дела такого осознания; б) непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий лицом, которое не должно было или не могло их предвидеть.

Тем самым законодатель упустил из виду еще один вид субъективного случая: расчет на предотвращение предвидимых лицом общественно опасных послед-

ствий при наличии достаточных для этого оснований, т.е. при обоснованном расчете избежать вредных последствий¹.

Законодательное определение небрежности в ч. 3 ст. 26 УК РФ (как и в ч. 3 ст. 23 УК РБ) также имеет важное отличие от ее определений в советских кодексах: в нем подчеркивается, что лицо, которое не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, должно было и могло их предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности. Эта формулировка заслуживает внимания в двух аспектах.

Во-первых, в ней содержится оценочный признак (проявление или, наоборот, не проявление необходимой внимательности и предусмотрительности), поэтому он нуждается в научном обосновании каких-то критериев и в определении допустимых пределов оценочной деятельности суда.

Во-вторых, данный признак сформулирован неточно. Обязанность предвидеть возможные последствия своего деяния – это нормативный признак. Он указывает на то, что в силу различных оснований на лице лежала юридическая обязанность предвидеть возможность причинения вреда и не допустить его. А возможность предвидеть вредные последствия – это оценочный признак, основанный на учете персональных способностей данного лица в сложившейся обстановке предвидеть негативные последствия своего деяния. Поэтому в определении небрежности следовало бы указать, что лицо должно было и при необходимой внимательности и предусмотрительности могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния. Оба эти аспекта требуют дальнейших теоретических изысканий.

Литература

1. Векленко С.В. Виновное вменение в уголовном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2003. – С. 215.
2. Верина Г.В. Легкомыслие как вид неосторожной формы вины // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 103-108.
3. Додин Е.В. Основание административной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1965.
4. Гребенюк А. Вина в российском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004. – С. 9
5. Лунев В.В. Субъективное вменение // Уголовное право: новые идеи. – М., 1994. – С. 26;
6. Мальцев В.В. Принцип вины в уголовном законодательстве // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 41-43.
7. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев, 1955.
8. Михеев Р.И. Уголовная политика и проблемы субъективного вменения // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток, 1985. – С. 75.
9. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 7.
10. Плотников А.И. Спорные вопросы законодательной характеристики умысла // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2005. – С. 127-128.
11. Пономарев П.Г. О принципе вины, закрепленном в Уголовном законе России // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2008. – С. 37.
12. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб., 2004. – С. 22.
13. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2004. – С. 16.

¹ Уместно заметить, что этот вид субъективного случая известен законодательству некоторых стран (например, ч. 2 ст. 23 УК Республики Казахстан).

14. Трухин А.М. Вина как субъективное основание уголовной ответственности. – Красноярск, 1992. С. 24.
15. Фельдштейн Г.С. Природа умысла. – М., 1898. – С. 2.
16. Хвостов А.М. Вина в советском трудовом праве. – Минск, 1970.
17. Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С. 10-11.
18. Якушин В.А. Субъективное вменение и его уголовно-правовое значение. – Тольятти, 1998. – С. 16.

Анотація

Рарог О.І. Перспективи розвитку вчення про вину у сучасній російській науці кримінального права. – Стаття.

Вчення про вину має методологічне значення для пізнання, розвитку та застосування практично всіх інститутів і категорій не тільки кримінальної, але й інших галузей права. Даній науковій проблемі приділялася серйозна увага представниками різних галузей юридичної науки. Тому дуже важливим є аналіз стану вчення про вину в сучасній кримінально-правовій науці та перспектив його подальшого розвитку.

Ключові слова: вчення про вину, кримінальне право

Summary

Rarog A.I. Prospects of development of studies about guilt in modern Russian science of criminal law. – Article.

The doctrine about fault has methodological value for knowledge, developments and application of almost all institutes and categories not only criminal, but also other areas of the law. To this scientific problem the close attention was taken away by representatives of different areas of jurisprudence. Therefore an analysis of a condition of the doctrine about fault in a modern criminal-legal science and the perspectives its further development is very important.

Key words: fault doctrine, criminal law

УДК 343.222.1/3

О.О. Дудоров

КРИМІНАЛЬНО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ ВИЯВЛЕННЯ НАМІРУ

Як відомо, інститут стадій має чітко виражений кримінально-політичний характер: за ним судять про ступінь репресивності того чи іншого кримінального законодавства; він сприяє розмежуванню злочинної і незлочинної поведінки, визначає можливість застосування кримінальної відповідальності за такі умисні діяння, які поки що можуть і не завдати шкоди людині, суспільству або державі. Зазначене добре простежується при з'ясуванні кримінально-правової значущості виявлення наміру, під яким зазвичай розуміється зовнішній прояв тим чи іншим способом (усно, письмово, за допомогою конклюдентних дій тощо) наміру особи вчинити злочин, проте без конкретних діянь, спрямованих на реалізацію цього наміру.

Проблематику кримінально-правових аспектів виявлення наміру актуалізувало запровадження кримінальної відповідальності за пропозицію хабара